

О формализации применения правовой Доктрины «снятия корпоративной вуали»

Ващекин А.Н., Ростовцева К.А.*

Ключевые слова: суд, корпоративная вуаль, доктрина, Россия, законодательство, судебная практика, проникающая ответственность, формализация, экспертная оценка, метод анализа иерархий.

Аннотация. Целью работы является анализ развития доктрины «снятия корпоративной вуали», исследование применения этой доктрины в российском законодательстве и судебной практике, а также возможность использования математических методов для алгоритмизации применения этой доктрины. Исследование правовой природы, закономерностей развития и существования доктрины «снятия корпоративной вуали» в Российской Федерации представляется теоретически интересным и практически значимым в свете заимствования ее элементов из англо-саксонской правовой семьи, принципиально отличной от отечественной.

Вопросы «снятия корпоративной вуали» можно с уверенностью включить в категорию современных тенденций как в рамках российского, так и мирового правового сообщества. Применение этой доктрины затруднено, поскольку юристам, как правило, приходится осуществлять его на фоне многочисленных факторов, препятствующих четкой оценке обстоятельств дела, отсутствием стандартной методики, для выработки которой в статье предложено формализовать этот процесс на основе математической модели.

Методы. В качестве методов исследования использовались формально-юридический метод, синтез, анализ, методы математического моделирования.

Результаты. Исследование показало, что практика применения этой доктрины в России пока невелика, особенно на фоне отлаженных зарубежных концепций, например, британской практики. В современных правовых реалиях суды в Российской Федерации опираются на способы защиты, установленные в действующем законодательстве с оглядкой на исследуемую доктрину. Ответственность контролирующих компанию лиц по российскому законодательству базируется на гражданско-правовой норме о злоупотреблении правом.

Заимствование англо-американского опыта применения доктрины несет в себе риск подрывания основ нашего корпоративного права, однако в последние годы излишняя категоричность сменяется аккуратной рецепцией зарубежного опыта в систему действующего российского законодательства, с необходимыми поправками на российскую правовую терминологию и практику делового оборота.

Предложенный формальный математический метод сглаживает субъективные экспертные оценки и позволяет выработать согласованное решение о применении доктрины «снятия корпоративной вуали».

DOI: [10.21681/2226-0692-2019-4-29-34](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2019-4-29-34)

Введение

Принцип разграничения ответственности юридического лица по его обязательствам и ответственности других лиц, в том числе его участников, считается общим правилом регулирования гражданско-правовых отношений. Развивающаяся на протяжении длительного исторического периода организационно-правовая форма компании, допускающая элемент ограниченной ответственности, стала одним из наиболее гибких и эф-

фективных инструментариев бизнеса. Возникновение таких компаний становилось предпосылкой экономического развития многих стран. Ключевой идеей является автономность компании с ограниченной ответственностью от ее участников, и тот факт, что участники не отвечают по ее обязательствам, создает благоприятные условия для привлечения инвесторов, реализации рискованных, но прибыльных проектов.

* Ващекин Андрей Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры информационного права, информатики и математики Российского государственного университета правосудия, г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: vaschekin@mail.ru

Ростовцева Карина Александровна, студентка магистратуры, Российская школа частного права, г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: rostovtsseva@yandex.ru

Родоначальницей этой доктрины была Англия XIX в. Отправной точкой в ее развитии послужило дело *Salomon v A Salomon & Co Ltd*¹ от 1897 г., со времен которого изощренное использование холдингов стало создавать для судов все более значительные затруднения. Эволюция этого противостояния отчетливо просматривается в таких делах, как *В Macaura v Northern Assurance Co*² от 1925 г., *Gilford Motor Company Ltd v Horne*³ от 1933 г., *Jones v Lipman*⁴ от 1962 г., *DHN Ltd v Tower Hamlets*⁵ 1976 г. и рассмотренном спустя два года деле *Woolfson v Strathclyde*⁶.

Сложности возникали в ситуациях, когда одна холдинговая компания полностью владела активами дочерних компаний, поскольку такая структура позволяла материнской компании пользоваться преимуществами ограниченной ответственности. Это создавало предпосылки того, что холдинговые компании вовлекались в рискованную деятельность через своих «дочек», избегая прямой ответственности.

Важным этапом развития этого направления в английском праве стала середина XX в. Корпорация стала осмысливаться как совокупность индивидуумов, трактуемая по ряду соображений как единое лицо, совершенно отличное от единичных компонент [1, с. 127]. Стирание границ юридического лица следует признать некоторым отклонением от нормы, при том, что компании с ограниченной ответственностью далеко не всегда действуют добросовестно в современном имущественном обороте. Нередко они представляют собой лишь юридически оформленный фасад, ширму, скрывающую истинные цели их создания. Поэтому перед представителями законодательной и судебной власти периодически возникала дилемма: необходимо ли догматически, слепо следовать принципу ограниченной ответственности или же следует допускать отступления при наличии определенных совокупных условий, возлагая ответственность непосредственно на неразборчивых в средствах лиц, контролировавших компанию. Такой неформальный подход стали характеризовать термином «снятия (прокалывания) корпоративной вуали» (“lifting (piercing) of corporate veil”), а ближе к нашей терминологии — «срывания корпоративной маски (ширмы)».

Чрезвычайно значимым судебным делом, во многом определившем вектор дальнейшей судебной практики и наиболее полно раскрывшем сущность доктрины «снятия корпоративной вуали», стало дело *Adams v Cape Industries*

¹ Судебный комитет Палаты Лордов. *Salomon v A Salomon & Co Ltd* [1897] AC 22. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы “WESTLAW UK”.

² Судебный комитет Палаты Лордов. *Macaura vs Northern Assurance Co Ltd*: [1925] AC 219. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы “WESTLAW UK”.

³ *Gilford Motor Company Ltd v Horne* [1933] Ch 935. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «WESTLAW UK”.

⁴ *Jones v Lipman* [1962] 1 WLR 832. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы “WESTLAW UK”.

⁵ Судебный комитет Палаты Лордов. *DHN Ltd v Tower Hamlets* [1976] 1 WLR 852. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы “WESTLAW UK”.

⁶ Судебный комитет Палаты Лордов. *Woolfson v Strathclyde RC* [1978] SLT 159. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы “WESTLAW UK”.

*plc*⁷ 1990 г. С одной стороны, оно привнесло достаточную степень определенности в законодательство, касающееся исследуемой нами проблемы, с другой, однако, апелляционный суд четко продемонстрировал в нем довольно узкий, даже ограничительный подход к вопросу о том, когда можно снять завесу. В этом деле были впервые перечислены более-менее четкие критерии для снятия вуали, на которые суды могли ориентироваться в последующих делах.

Проблема снятия завесы и по сей день остается одной из самых дискутируемых тем в профессиональном сообществе, в том числе и в нашей стране, на фоне активной эволюции организационных форм отечественных предприятий — динамичное развитие постоянно усложняемых форм организации, возникновение новых функций хозяйствующих субъектов, действующих как в России, так и за рубежом, требуют устранения правовых коллизий и создания условий для их предотвращения в дальнейшем [2, с. 44]. Российская судебная практика последних трех десятилетий неуклонно демонстрирует необходимость введения в российское право принципиальной концепции, способной стать действенным аналогом английской доктрины [3, с. 25].

Различные цивилистические теории предлагают собственные подходы к пониманию конструкции юридического лица. Современное российское законодательство рассматривает юридическое лицо преимущественно с позиций теории фикции — как правовое средство, прием юридической техники, искусственный субъект права, возникающий только после его государственной регистрации [4, с. 67].

Отметим, что право многих стран мира предусматривает отступления от принципа ограниченной ответственности, выраженные непосредственно в законодательстве. В странах англосаксонской системы права в судебной практике сложилась достаточно устойчивая двусторонняя доктрина, сочетающая не только прямое действие (piercing), предусматривающее возможность возложения ответственности по обязательствам компании на контролирующих ее лиц, но и обратное (reverse piercing), при котором взыскание к физическому или юридическому лицу потенциально может быть обращено на активы контролируемой им компании. Порой сам акционер компании инициирует применение доктрины, чтобы переоформить на себя права компании.

Фактически суть исследуемой доктрины заключается в том, что в рамках конкретного дела суд полагает, что компания не автономна от контролирующего ее лица, то есть проецируют обязательства и (или) права компании на это лицо. Поскольку факт контроля можно установить лишь с некоторой степенью определенности, доктрина выглядит уязвимой и применяется лишь в исключительных обстоятельствах.

В научной литературе доктрина нередко рассматривается в качестве адресного механизма правового регулирования [5]. При этом отмечается, что механизм «снятия корпоративной вуали» носит далеко не универсальный характер, поскольку суды каждый раз оценивают возможность его применения субъективно.

⁷ *Adams v Cape Industries plc* [1990] 2 WLR 657. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы “WESTLAW UK”.

Несмотря на несомненные плюсы подхода к рассматриваемому явлению как к механизму, определение «снятия корпоративной вуали» через понятие правовой доктрины, по нашему мнению, наиболее точно его отражает природу и существенные признаки. Следовательно, можно заключить, что «снятие корпоративной вуали» — это доктрина судебного происхождения, применяемая судом в исключительных случаях путем установления достаточных для преодоления ограниченной ответственности оснований и выражающаяся в возложении ответственности на фактически контролирующее компанию лицо.

В зарубежной практике приверженность этой доктрине проявляется весьма отчетливо, как видно, например, из относительно недавнего дела *Barings plc (In Liquidation) v Coopers & Lybrand (No 4)*⁸ от 2002 г., в котором надлежащим истцом была признана дочерняя компания, что лишним раз подтвердило приверженность судов воспринимать каждое юридическое лицо как обособленный субъект прав и обязанностей. В то же время законодатель предпринял попытку свести к минимуму возможность использования принципа Саломона в качестве инструмента мошенничества, введя норму о мошеннической торговле в статью 213 Акта о Несостоятельности от 1986 г.

Цель исследования

Целью настоящей работы является анализ развития доктрины «снятия корпоративной вуали», исследование применения этой доктрины в российском законодательстве и судебной практике, а также возможность использования математических методов для алгоритмизации применения этой доктрины. Исследование правовой природы, закономерностей развития и существования доктрины «снятия корпоративной вуали» в Российской Федерации представляется теоретически интересным и практически значимым в свете заимствования ее элементов у англо-саксонской, принципиально отличной от отечественной, правовой семьи.

Вопросы «снятия корпоративной вуали» можно с уверенностью включить в категорию современных тенденций как в рамках российского, так и мирового правового сообщества. Применение этой доктрины затруднено, поскольку юристам, как правило, приходится осуществлять его на фоне многочисленных факторов, препятствующих четкой оценке обстоятельств дела, и отсутствия стандартной методики, для выработки которой в статье предложено формализовать этот процесс на основе математической модели.

Материалы и методы

В качестве методов исследования использовались формально-юридический метод, синтез, анализ, методы математического моделирования.

⁸*Barings PLC (in liquidation) & Anor v Coopers & Lybrand (A Firm) & Ors* [2001]. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «WESTLAW UK».

В Российской Федерации 1 сентября 2014 г. в силу вступили изменения в главу 4 Гражданского кодекса (ГК РФ), где правило «снятия корпоративной вуали» наконец получило отражение на законодательном уровне, хотя и без использования соответствующей терминологии. В силу ст. 53.1 ГК РФ лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица и выступающее от его имени, может быть привлечено к ответственности за причинение убытков компании вследствие неразумных и недобросовестных действий⁹. Стоит отметить, что еще на начальных стадиях процесса реформирования гражданского законодательства вопросы, имеющие прямое отношение к «снятию корпоративной вуали», были встречены неоднозначно и спровоцировали обширные дебаты. В научных кругах по сей день не прекращается полемика относительно плюсов и минусов интегрирования такого явления в российское право.

«Проникающая ответственность», как ее принято называть у некоторых отечественных авторов, мало знакома российскому законодателью. Судебная практика относительно немногочисленна и в основном опирается на позицию Высшего Арбитражного Суда (ВАС РФ). Анализируя российскую судебную практику, можно выделить наиболее устойчивые условия применения доктрины «снятия корпоративной вуали». Это, например, осуществление предпринимательской деятельности непубличных офшорных компаний, которые не разглашают информацию о своем выгодоприобретателе — бремя доказывания наличия либо отсутствия обстоятельств, защищающих офшорную компанию, возлагается на офшорную компанию [6]. Использование юридического лица в качестве ширмы (*alter ego* или фасада) также служит катализатором снятия завесы. Примером подобного основания можно считать злоупотребление правом в виде систематического введения в заблуждение контрагента, если в договорных отношениях гражданин одновременно выступает от собственного имени как индивидуальный предприниматель, и от имени общества с ограниченной ответственностью как его представитель. Отдельный случай — недобросовестные действия контролирующих компанию лиц (выгодоприобретателей).

В отечественной судебной практике элементы исследуемой доктрины, не имея четкого законодательного закрепления, нашли выражение в правовых позициях Президиума ВАС РФ. Впервые на нее было указано в постановлении Президиума ВАС РФ от 24 апреля 2012 г. по делу Банка «Парекс» (*Parex bank*)¹⁰, однако она не была четко сформулирована, а была лишь вскользь упомянута. И поскольку речь в этом деле вообще не шла о привлечении к ответственности каких-либо третьих лиц, о подлинном снятии корпоративных покровов говорить не приходится [7, с. 130].

⁹«Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

¹⁰Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.04.2012 No 16404/11 по делу No А40-21127/11-98-184 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».

Результаты исследования

Хотя в дальнейшем в нескольких случаях арбитражные суды отказывались от применения доктрины, ссылаясь на расхождение в фактических обстоятельствах рассматриваемых дел с вышеуказанным делом, можно признать, что доктрина фактически применяется в качестве индикатора в общем контексте борьбы со злоупотреблениями в корпоративных отношениях, как дополнение к нормам законодательства [8]. Дефицит эмпирического материала по применению доктрины компенсируется судебной практикой по проблемам привлечения участников юридических лиц к субсидиарной ответственности в силу схожести их оснований. Рассмотрим ниже наиболее типичные случаи привлечения к субсидиарной ответственности участников (учредителей) юридических лиц.

Одним из распространенных оснований привлечения к субсидиарной ответственности является факт вывода активов. В качестве примера можно привести дело ЗАО «Артемовский ЖБЗ № 1»¹¹, единственный акционер которого образовал дочернее общество и внес в его уставный капитал все наиболее ликвидное имущество. Впоследствии доля в уставном капитале дочернего общества была продана единственному акционеру общества, при этом долг за проданную долю был прекращен зачетом, что привело к банкротству продавца доли.

Следующим, менее распространенным основанием является недостаточное финансирование учредителем (собственником имущества) предприятия или учреждения. В Постановлении ФАС Западно-Сибирского округа от 21 апреля 2014 г. по делу № А03-11437/2009 содержалось указание на то, что учредитель надлежащим образом не наделил МУП имуществом, необходимым для осуществления хозяйственной деятельности, формально предприняв меры по формированию уставного фонда. Термин «недокапитализация» был упомянут и в более поздних судебных актах¹², что может косвенно говорить о возрастающей тенденции признания фактора недостаточного финансирования в качестве одного из оснований привлечения к субсидиарной ответственности.

Иные основания в большинстве своем связаны с несоблюдением корпоративных формальностей¹³ или «злоупотреблением корпоративной формой». В одном из своих постановлений¹⁴ Президиум ВАС РФ нашел в поведении участников гражданского оборота создание видимости законного завладения общим имуществом, указав при этом на использование юридического лица для целей, противоречащих действительному назначению этой конструкции.

Тем не менее, на данный момент нам лишь приходится констатировать недостаток объема судебной

практики и правовых позиций судов, которые прямо отсылали бы к исследуемой доктрине, смело оперируя необходимой терминологией; отсутствуют также и четкие указания на то, что именно подлежит доказыванию в подобных делах.

Итак, в результате мы приходим к выводу, что доктрина «снятия корпоративной вуали» возникла как результат правотворчества английских судов и базируется на игнорировании принципа ограниченной ответственности учредителей юридического лица [9]. Практика применения этой доктрины в Великобритании и России имеет разные масштабы. При этом, с одной стороны, очевидно стремление отечественного законодателя к ликвидации корпоративной завесы, когда того требуют интересы правосудия, а с другой — осторожность при применении подобной терминологии при рассмотрении дел [10, с. 26]. Суды в Российской Федерации опираются на способы защиты, установленные в действующем законодательстве, с оглядкой на исследуемую доктрину. Таким образом, на фоне отлаженных зарубежных концепций ее применения ответственность контролирующей компанию лиц по российскому законодательству базируется на гражданско-правовой норме о злоупотреблении правом. Важным осложняющим фактором является недостаточная развитость законодательства в плане требований к открытости информации обо всех сторонах сделок [11, с. 40]. Фактически судебным органам приходится иметь дело с недостоверной, нечеткой и неполной информацией, к тому же сознательно искаженной, что пока затрудняет им выбор однозначных методов и принятие окончательных решений. Разворачивающаяся в последнее десятилетие цифровизация экономики дает судам широкие возможности в информационном плане, однако выдвигает перед ними новые требования — назревает потребность в определенной алгоритмизации судебной деятельности [12, с. 20].

Особенно актуально последнее замечание в связи с предметом нашего исследования. Применение доктрины «снятия корпоративной вуали» на практике затруднено, поскольку юристам, как правило, приходится осуществлять его на фоне многочисленных факторов, препятствующих четкой оценке обстоятельств дела. Стандартная методика по этой проблематике пока не разработана, поэтому имеет смысл обратиться к имеющимся методам математического моделирования и применить их для решения исследуемой задачи.

Квалифицированный вывод о том, является ли организация «ширмой», созданной для прикрытия реального положения дел, может сделать группа экспертов — экономистов и юристов — при условии выработки ими согласованного решения. На формальном (математическом) языке это означает, что информация, которая легла в основу решения, будет непротиворечивой. Такого результата можно добиться при использовании достижений метода анализа иерархий [13, с. 30].

Задача выработки непротиворечивого решения о целесообразности проведения мероприятий по применению доктрины «снятия корпоративной вуали» может быть сформулирована так.

¹¹Постановление ФАС Уральского округа от 02.06.2014 № Ф09-2321/14 по делу № А60-16899/2010.

¹²Определение ВС РФ от 14.01.2015 № 309-ЭС14-8741 по делу № А60-49801/2013; Постановление АС Уральского округа от 29.10.2014 № Ф09-5208/14 по делу № А60-49801/2013.

¹³Постановление АС Уральского округа от 06.03.2015 № Ф09-454/15 по делу № А76-11557/2010.

¹⁴Постановление Президиума ВАС РФ от 26.03.2013 № 14828/12 по делу № А40-82045/11-64-444.

Дано: $X = \{\tilde{d}_1 \dots \tilde{d}_n\}$ — множество признаков, характеризующих степень «завуалированности» структуры собственности предприятия. Группе экспертов необходимо найти вектор приоритетов $\omega = (\omega_1, \dots, \omega_n)^\delta$, где δ — операция транспонирования, который определит степень их «важности».

В результате успешного решения задачи признаки

\tilde{d}_i должны будут расположиться в таком порядке, чтобы образовалась логическая последовательность, которая отражает экспертное мнение, но устраняет возможные субъективные несогласованности и гарантирует непротиворечивость решения экспертной группы.

Итак, эксперты проводят попарные сравнения, определяющие значимость элементов множества X относительно друг друга.

Если обозначить через a_{ij} число, соответствующее значимости i -го элемента по сравнению с j -тым по мнению эксперта, то мы получим квадратную обратную-симметричную матрицу A размера $n \times n$.

Если суждение экспертов совершенно при всех сравнениях, то $a_{ik} = a_i a_k$ для всех i, j, k , и матрица A называется согласованной.

В случае точных измерений для согласованной матрицы

$$a_{ij} = \frac{\omega_i}{\omega_j}, \quad i, j = 1, \dots, n, \text{ и поэтому}$$

$$a_{ij} a_{jk} = \frac{\omega_i}{\omega_j} \frac{\omega_j}{\omega_k} = \frac{\omega_i}{\omega_k} = a_{ik}.$$

В случае нечетких (т. е. полученных экспертно) измерений, ω является собственным вектором матрицы A с собственным значением n :

$$\begin{pmatrix} \omega_1/\omega_1 & \omega_1/\omega_2 & \dots & \omega_1/\omega_n \\ \omega_2/\omega_1 & \omega_2/\omega_2 & \dots & \omega_2/\omega_n \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ \omega_n/\omega_1 & \omega_n/\omega_2 & \dots & \omega_n/\omega_n \end{pmatrix} \begin{pmatrix} \omega_1 \\ \omega_2 \\ \dots \\ \omega_n \end{pmatrix} = n \begin{pmatrix} \omega_1 \\ \omega_2 \\ \dots \\ \omega_n \end{pmatrix}.$$

В этом случае величины a_{ij} будут в некоторой степени отклоняться от «идеальных» отношений $\frac{\omega_i}{\omega_j}$.

В случае согласованности n есть наибольшее собственное значение матрицы A (из теории матриц известно, что все собственные значения такой матрицы равны нулю, за исключением одного, равного n).

Если элементы a_{ij} положительной обратно-симметричной матрицы A незначительно изменить, то собственные значения также изменятся незначительно.

Поэтому, если диагональ матрицы A состоит из единиц ($a_{ij} = 1$) и A — согласованная матрица, то при малых изменениях в a_{ij} наибольшее собственное значение λ_{\max} остается близким к n , а остальные собственные значения — близкими к нулю.

В связи с этим приемлемое значение вектора приоритетов ω можно искать как решение следующей задачи: если A — матрица значений парных сравнений, то для нахождения вектора приоритетов нужно найти такой ω , который удовлетворяет соотношению $A\omega = \lambda_{\max} \omega$ (т.е. вектор ω представляет собой собственный вектор матрицы A , соответствующий собственному значению λ_{\max}).

Для нормализации решения слегка изменим ω , полагая $\alpha = \sum_{i=1}^n \omega_i$ и заменяя ω на $\frac{1}{\alpha} \omega$. Это обеспечивает единственность, а также то, что $\sum_{i=1}^n \omega_i = 1$.

Так как малые изменения в a_{ij} вызывают малое изменение λ_{\max} , отклонение последнего от n является мерой согласованности. Поэтому индекс $\delta = \frac{\lambda_{\max} - n}{n - 1}$

можно рассматривать как показатель «близости к согласованности». Если этот индекс достаточно мал, например $\delta \leq 0,1$, мы можем быть удовлетворены суждениями эксперта.

Как видим, формальный математический метод сглаживает субъективные экспертные оценки и позволяет выработать согласованное решение о применении доктрины «снятия корпоративной вуали».

Заключение

В заключение отметим, что объективные процессы глобализации в информационно-правовом пространстве современности неопровержимо диктуют необходимость совершенствования законодательства, особенно в экономической сфере [14, с. 85]. Эволюция информационного взаимодействия в банковской сфере, универсализация платежных систем, эволюция рынка ценных бумаг требуют соответственного его развития и в правовой области [15, с. 5]. На этом фоне первостепенное значение приобретает решение задачи о кардинальном повышении эффективности международно-правового обеспечения глобального информационного обмена. Успешная ее реализация будет способствовать упорядочению деятельности отечественных судебных

органов, в том числе по установлению содержания иностранного права, и повысит степень их согласованности нормами зарубежных судебных систем [16, с. 224].

Заимствование англо-американского опыта применения доктрины, безусловно, несет в себе риск подрыва основ нашего корпоративного права. В то же время в последние годы излишняя категоричность сменяется аккуратной рецепцией зарубежного опыта в систему действующего российского законодательства, с необхо-

димыми поправками на российскую правовую терминологию и практику делового оборота. Все вышеизложенное приводит нас к выводу, что проблема четкого закрепления доктрины «снятия корпоративной вуали» в законодательстве и, как следствие, уверенного применения ее в судебной системе, с опорой на современные формальные методы, настоятельно требует окончательного решения.

Литература

1. Джэнкс Э. Английское право (Источники права, судоустройство, судопроизводство, уголовное право, гражданское право). М., 1947. 378 с.
2. Vashchekin A. N. The functional basis and features of business wholesale trade companies in Russia // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. № 2. С. 42—45.
3. Ващекина И. В. О точках бифуркации в развитии банковских систем // Вестник РГТЭУ. 2013. № 6 (77). С. 21—31.
4. Козлова Н. В. Филиппова С. Ю. К вопросу о правовой природе устава юридического лица // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 1. С. 64—79.
5. Егоров А. В., Усачева К. А. Доктрина «снятия корпоративных покровов» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1. С. 38—56.
6. Гречнев А. В. Проблема «снятия корпоративной вуали» в российском и французском праве: сравнительный анализ // Вопросы российского и международного права. 2016. № 1. С. 69—83.
7. Асосков А. В. Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов // Вестник гражданского права. 2013. № 5. С. 120—144.
8. Батыршина К. А. Теоретические аспекты «снятия корпоративной вуали»: познание правовой природы данного явления // Юрист. 2016. № 4. С. 40—43.
9. Dignam A. J., Lowry J. P. Company law // Oxford: Oxford University Press, 2009. 512 с.
10. Шиткина И. С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. № 2. С. 25—26.
11. Ващекина И. В. Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)»: новый уровень информационных отношений между кредитором и заемщиком // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2014. № 11 (77). С. 39—47.
12. Царькова Е. В. Оптимизация «цифровой» экономики: анализ чувствительности и информационной неопределенности // Правовая информатика. 2018. № 3. С. 16—24.
13. Саати Т. Л. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М.: Радио и связь, 1993. 278 с.
14. Бегларян М. Е. Глобализация в информационно-правовом пространстве современности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. № 2 (219). С. 81—87.
15. Ващекин А. Н., Ващекина И. В. Информационное взаимодействие в системе борьбы с отмыванием преступных доходов: риск-ориентированный подход // Правовая информатика. 2018. № 4. С. 4—13.
16. Терентьева Л. В. Установление содержания применимого права международным коммерческим арбитражем // Третейский суд. 2018. № 1-2 (113-114). С. 218—228.

Рецензент: *Запольский Сергей Васильевич*, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий сектором ИГН РАН, г. Москва, Россия.

E-mail: zrmoscow@mail.ru

